

УДК 811.161.1

**МЕСТОИМЕНИЕ «МЫ» КАК СРЕДСТВО
ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ МАНИПУЛЯЦИЙ
В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА**

© 2010 г.

И.Ю. Гранева

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

vestnik@unn.ru

Поступила в редакцию 28.04.2010

Местоимение *мы* рассматривается в русле актуальной для современной лингвистики проблемы «языковой демагогии». Анализируется роль местоимения *мы* в организации манипулятивного дискурса.

Ключевые слова: местоимение *мы*, языковое манипулирование, манипулятивный дискурс, языковая демагогия, *мы*-изложение.

В лингвистической прагматике языковое манипулирование можно рассматривать как разновидность «некооперативного поведения» (нарушения принципа кооперации речевого общения), которое возникает в результате намеренно некорректного обращения говорящего с языком с целью повлиять на мировосприятие, систему ценностей и поведение адресата.

Само по себе наличие возможности языкового манипулирования, заложенное в естественном языке, обусловлено вполне нейтральными его свойствами, которые вовсе не обязательно осознанно и целенаправленно эксплуатируются говорящим. Однако есть виды дискурса, в которых данные средства применяются вполне сознательно, для достижения говорящими определенных целей. Таким образом, в рамках проблематики «язык и власть», «язык и манипулирование сознанием» в лингвистике возникает понятие «манипулятивной коммуникации», разновидностями которой являются реклама, массовая информация, деловое общение и пропаганда.

Ее суть сводится к манипуляции аудиторией для получения выгоды (денег или власти). Особо следует отметить «обязательное применение речевых приемов скрытого воздействия. Последнее требование обусловлено пафосом манипулятивной коммуникации: самое существенное отличие манипуляции от убеждения заключается в том, что получатель целенаправленно лишается возможности объективно оценить содержание сообщения» [5: 93, 94].

В манипулятивной коммуникации все эти предпосылки получают развитие и воплощаются в виде различных сознательно используемых приемов манипуляции адресатом речи. Лингвистический аспект этой коммуникации находит

свое воплощение в проблеме «лингвистической демагогии» («языковой демагогии»), которая в отечественном языкознании была в такой формулировке впервые затронута в одноименной работе Т.М. Николаевой [6]. «Лингвистическая демагогия» выражается в наборе приемов, которые используются говорящим для создания у адресата «особой псевдообъективной действительности» [5], для навязывания ему определенной системы ценностей и, в конечном счете, для влияния на его поведение в нужном для говорящего направлении. Эти приемы затрагивают все уровни и все сферы языка – референциальный, логический (концептуальный), собственно семантический, оценочный и др.

Местоимение *МЫ*, с его богатыми возможностями в сфере концептуализации и оценочной интерпретации действительности, имеет давние традиции использования в разных видах так называемой «манипулятивной коммуникации» [5], что в свою очередь связано с его вхождением в разнообразные приемы «языковой демагогии» [6].

Например, первичное референтное употребление инклюзивного *МЫ* наблюдается в приеме «**навязывания пресуппозиции**», когда суждение, которое в норме нуждается в доказательстве, в высказывании говорящего подается как само собой разумеющееся в «пресуппозиции». С языковой точки зрения это осуществляется путем постановки данного суждения в сегмент придаточного предложения (в этой позиции высказывание полагается истинным «по умолчанию»).

Ср., например, в «Национальном корпусе русского языка»: – *Мы с вами на своем опыте знаем, что часто нам приходится платить за медицинскую помощь дополнительно* (Анастасия Нарышкина. 1 апреля российских пенсио-

неров начнут лечить по-новому // "Известия", 2003.02.21 — НКРЯ). С коммуникативной точки зрения здесь осуществляется насильственное включение адресата в круг людей, разделяющих некое мнение, которое сам адресат, может быть, и не разделяет.

Участие *мы* в языковой манипуляции предполагает осознанное говорящим обыгрывание в контексте, сталкивание разных типов референции МЫ, что, например, видно из следующего старого анекдота: *Генеральный Секретарь ЦК КПСС выступает с речью: / – Через двадцать лет мы будем жить при коммунизме! / Реплика из зала: – А мы?*

В работе Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева этот прием называется «игра на референциальной неоднозначности» и трактуется как средство «языковой демагогии» [1: 574]. Так, в речи говорящего *мы* предполагает «мы с вами» (инклюзивное), а адресат нарочито воспринимает его как эксклюзивное «мы с моими товарищами по ЦК КПСС», благо контекст не дает прямого указания на инклюзивность или эксклюзивность понимания данного употребления. Кстати, отметим, что сама возможность обыгрывания двух основных разновидностей первичного употребления *мы* является доказательством реальности их существования в системе языка и в языковом сознании говорящих.

Данное манипулятивное употребление *мы* вполне коррелирует с крайне активным *мы* из прошлого, «советского дискурса» – *мы* коллективных собраний, проработок, социалистических обязательств и пр. Отметим, что включение адресата в сферу ценностей говорящего при таком употреблении МЫ происходит как бы в качестве само собой разумеющегося факта, в пресуппозиции, облигаторно («не спросив адресата»), что также делает такое *мы* явно «демагогическим».

Существуют особые типы речи, которые целиком и полностью подчинены задачам языкового манипулирования и последовательно используют целую систему средств манипулятивной коммуникации. Такие разновидности речи *мы* называем **манипулятивным дискурсом**, понимая здесь под дискурсом «исторически и идеологически обусловленную языковую практику». Примером такого манипулятивного дискурса в истории является так называемый «новояз» [3], «тоталитарный язык» [2], или «язык тоталитарного общества» [4].

В число манипулятивных стратегий этого типа дискурса входит стратегия, которая получила название «*мы-изложения*»: «Например, синтаксис советской эпохи характеризуется высокой активностью предложений без прямого обозначения действующего лица-субъекта: *Ко-*

му-то это выгодно; Есть мнение; Выдвигаются в качестве основных принципы диалектики и др. В нем развивается принцип *Мы-изложения* (*Мы идем дорогой партии..., Нас не запугать...*), которое призвано скрывать личную ответственность за высказывание, принимая вид общего правила, непоколебимой истины, в отличие от *мы-научного*, выполняющего функцию общего правила, факта» [4: 50].

Мы-изложение является одним из средств намеренного устранения субъекта в пользу неопределенно-безличного изложения точки зрения на события. Это комплекс приемов синтаксической организации речи, который, наряду с языковыми средствами безличности, использует замену Я говорящего на *мы*.

Так, например, в докладе М.С. Горбачева говорится: *Сегодня мы обращаемся к Октябрьским дням, которые потрясли мир, ищем и находим в них и прочную духовную опору, и поучительные уроки* (М.С. Горбачев, Октябрь и перестройка: революция продолжается – НКРЯ). Здесь МЫ – это все, кто разделяет официальную точку зрения, это прежде всего *партия*, да и весь *советский народ*, которые в то время часто, по мнению П. Серию [7], выступают контекстуальными синонимами к *мы*.

Эффект *мы-изложения* усиливается за счет постановки конструкции с *мы* в контекст модальности долженствования: *Нам предстоит продолжить и приумножить дело первопродцов революции и социализма. И мы непременно добьемся этого своим трудом, творчески используя опыт поколений, прокладывавших дорогу Октября до нас и для нас!* (М.С. Горбачев, Октябрь и перестройка: революция продолжается – НКРЯ).

Мы-изложение структурирует весь дискурс, композиционно оформляя его за счет параллелизма синтаксических конструкций, единоначалия разных абзацев. Текст доклада начинается и заканчивается такими конструкциями, т.е. *мы-изложение* является в нем ведущим композиционным приемом.

Однако рассмотренная стратегия *мы-изложения* не ушла в прошлое вместе с «тоталитарным языком» Советской эпохи. Она регулярно воспроизводится и в современных разновидностях политического и рекламного дискурса: *В иницированном Мальцевым послании есть такие слова: "Мы считаем, что Вы как Президент Российской Федерации должны назначать на должность глав администраций во всех субъектах Российской Федерации и освободить их от должности"* (Александр Крутов. Ванька Жуков против Конституции России // «Богатей» (Саратов), 2003.11.20 – НКРЯ).

Вся конструкция фразы в духе МЫ-изложения носит явно манипулятивный характер, скрывая за употреблением МЫ личную ответственность говорящего за свое высказывание и придавая его речи авторитетность за счет приобщения к некой сверхличностной ценности ('не я, а мы все так считаем').

В целом манипулятивное использование *мы* эксплуатирует важную общечеловеческую идею кооперативности, представление о фундаментальной общности людей в целом и о важных для человека объединениях людей по национальному, родовому, семейному и другому признаку, что делает это использование крайне эффективным и вместе с тем довольно неэтичным средством языковой демагогии.

Список литературы

1. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
2. Вежбицкая А. Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны // Вопросы языкознания. 1993. № 4.
3. Земская Е.А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского периода // Вопросы языкознания. 1996. № 3.
4. Купина Н.А., Михайлова О.А. Лингвистические проблемы толерантности // Толерантность в современной цивилизации: Сб. научн. трудов. Екатеринбург, 2001.
5. Медведева Е.В. Рекламная коммуникация. М., 2003.
6. Николаева Т.М. Лингвистическая демагогия // Прагматика и проблемы интенциональности: Коллективная монография. М., 1988.
7. Серю П. Анализ дискурса во французской школе. Дискурс и интердискурс // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. М., 2001.
8. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: Учебное пособие. М., 2006.

THE PRONOUN *WE* AS A MEANS OF IDEOLOGICAL MANIPULATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

I.Yu. Graneva

The work investigates the potential of the Russian pronoun "*my*" ("*we*") in the context of the problem of "language demagogy" that is of current importance for modern linguistics. The author considers the role of the pronoun "*my*" ("*we*") in the organization of "manipulative discourse".

Keywords: pronoun *we*, linguistic manipulation, manipulative discourse, language demagogy, *we*-narrative.